

Т. Г. Леонтьева

Либеральная ретроспектива: pro et contra

О книге В. В. Шелохаева «Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции» (М.: РОССПЭН, 2015. 863 с.)

Отношение российского общества к отечественным либералам поражает крайней неустойчивостью. Так, в 2000-х гг. видным либералам прошлого возводились памятники (в Ярославле, Воронеже, Орле, Иркутске и других городах), а тем временем пресса настойчиво поносила современных адептов либеральной идеи. Явление, впрочем, вовсе не новое, нечто подобное случалось в прошлом. Рецензируемая книга заставляет вновь основательно задуматься над этим феноменом.

Имя доктора исторических наук, профессора Валентина Валентиновича Шелохаева известно широкому кругу исследователей российской дореволюционной многопартийности. Он стал не только пионером изучения российского либерализма в «застойные» годы, но и успешным публикатором уникальных исторических источников. Под его руководством был создан многотомный свод документов и энциклопедий по истории практически всех общероссийских политических партий. Настоящая книга является своего рода итогом работы над историей главной либеральной партии — Партии народной свободы, начатой еще в 1970–1980 гг.¹

¹ См.: Шелохаев В. В. 1) Аграрная программа кадетов в Первой русской революции // Исторические записки. Т. 86. М., 1970; 2) Провал деятельности кадетов в массах (1906–1907 гг.) // Исторические записки. Т. 95. М., 1975; 3) Кадеты — главная партия

Данное фундаментальное исследование охватывает всю историю Конституционно-демократической партии — от ее зарождения до «умирания» в эмиграции. Основную источниковую базу составляют многочисленные документы, опубликованные под руководством Шелохаева в течение 1990–2000 гг. Автор последовательно рассматривает вехи формирования кадетской партии и ее организационную структуру, активизацию в годы Первой русской революции, думскую тактику, отношение к Первой мировой войне и революции, позицию в годы Гражданской войны, наконец, эмигрантский этап ее деятельности. Основное внимание уделяется ситуации в кадетских верхах.

Следует отметить, что задача историка в данном случае не из легких. Как писать историю проигравшей партии? Попробовать реабилитировать, представив в ее лице реальную альтернативу «неудобному» прошлому? Попытаться «добить» исторического лузера? Автор удачно избегает подобных эмоциональных соблазнов, предложив объективную картину несоответствия либеральных намерений тогдашним российским реалиям.

Как известно, сам термин «либерал» периодически становится едва ли не ругательным для подавляющей части российского общества. Обаяние освободительных идей сменяется отторжением их носителей. Вольно или невольно, автор старается выяснить, с чем это было связано, какие врожденные черты русского либерализма, а равно и тактические установки препятствовали его устойчивой популярности. В общем, это попытка разглядеть русский либерализм изнутри, вглядываясь в те или иные действия кадетских лидеров.

Возникновение либерализма в России было связано с осознанием определенным сегментом отечественных интеллектуалов необходимости кардинального общественного переустройства. По мнению автора, детские и юношеские годы представителей этой части интеллигенции не случайно пришлись на эпоху Великих реформ с их верой в возможность вписаться в европейскую демократию мирным путем. Однако наступила «эпоха реакции», и либералам пришлось скорректировать свой курс. Формирование собственно кадетской партии поначалу протекало в рамках сотрудничества с социалистами, однако кристаллизация идейно-политических позиций тех и других в годы Первой русской революции привела к расколу между ними. Это было неизбежно. Будущие лидеры кадетской партии рассчитывали на единство всех общественных сил, вроде бы одинаково заинтересованных в общественных переменах: российские элиты по соглашению с самодержцем выработают подобие Конститу-

---

либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983; 4) Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991; 5) Либеральная модель переустройства России. М., 1996; 6) Разработка кадетами национального вопроса в годы Первой мировой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998; 7) Кадеты в горниле революции 1917 г. // Петербургская историческая школа: Альманах. Второй год выпуска. Памяти В. И. Старцева. СПб., 2002; 8) Кадеты и революция в России // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005 и др.

ции. Ее основополагающие принципы давно утвердились в сознании европейских либералов: политические и вероисповедные свободы, равенство граждан перед законом, парламентаризм, независимый суд, широкое развитие местного самоуправления и т.п. Предполагалась постепенная замена самодержавно-бюрократического режима конституционно-монархическим строем. Вместе с тем, ориентируясь на опыт Великобритании, кадеты превзошли его по части принципа бессловности — он применялся не только к нижней, но и верхней палате парламента. Далеко не всех российских либералов того времени устраивал такой подход.

Как бы то ни было, проект подвергался критике со стороны как земцев-конституционалистов, так и радикально настроенной интеллигенции. Заметим, что кадетов критиковали всегда, и это по-своему указывает на сложность поисков средней линии между российскими Сциллой и Харибдой — диктатурой и демократией. Они изначально пытались сконструировать «гибкую» модель преобразования страны, основанную «на выжидании и лавировании между самодержавием и пробуждающимся от спячки народом», учитывая «альтернативную возможность исхода борьбы против самодержавного режима» (с. 23). Отсюда нарастание их «левизны» в рабочем и аграрном вопросе в период общественных потрясений. Позднее западные политики недоумевали: российские либералы действуют как социалисты, социалисты — как анархисты (что, несомненно, было связано с эмоциональной перенасыщенностью российского политикума²). Действительно, начало образования кадетской партии оказалось связано с заметным «порозовением» правой части российского политического ландшафта.

В рецензируемой монографии особенно привлекает анализ автором *генетической* природы кадетизма. Это делается прежде всего в ходе анализа обсуждения либералами своей партийной программы. Теоретики российской модернизации сразу же оказались перед поистине «роковым» для них вопросом: на кого — власть, общественность или народ — сделать ставку в ходе движения в выбранном направлении? Было известно, что существующий режим не склонен к реформам, а традиционалистские массы, даже впадая в бунтарство, не представляют иного образа правления кроме монархического. Недаром выдающийся ученый И. А. Бодуэн де Куртенэ высказался откровенно: «Революция есть лихорадка. Многие из тех, которые сейчас требуют республики, будут удивляться, когда придут в себя. Чтобы создать республику, нужно создать республиканцев не только на словах, но и на деле... Требованием республики мы вели бы народ на путь военной диктатуры...» (с. 92). Такое предостережение звучало резонно, однако «осторожность» кадетов вызывала общественную неудовлетворенность и даже подозрительность по отношению к ним.

Примечательно, что автор обращает внимание на то, что в рядах российских либералов оказалось чрезвычайно много лучших ученых умов того времени.

² См.: *Булдаков В. П.* Россия, 1914–1918 гг.: война, эмоции, революция // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918. М., 2014. С. 11–22.

Это повлекло не собой не только нескончаемые дискуссии, в результате которых кадеты всегда «запаздывали», но и туманность программных манифестаций. В «эпоху перемен» требуются четкие, а не расплывчатые формулировки, равно как и быстрые, а не «согласованные» решения. Между тем партия всегда колебалась между *Realpolitik* и нравственными идеалами. Понятно, что от этого страдал ее имидж в глазах общественно нетерпеливых элементов, которых становилось всё больше. Поэт Андрей Белый, поразительно тонко ощущавший духовную атмосферу своего времени, вспоминал, что в условиях самодержавного режима «общественные коллективы влачили жалкое существование, да и то влачили его потому, что выявили безвольную неврастению под формой либерального фразерства, которому — грош цена...»³. От русских либералов ожидали большего, нежели то, что они отваживались предложить. Кадеты исходили из основополагающей — *эволюционной* — посылки демократии: «Только свободная личность может стать фундаментом формирования гражданского общества и правового государства» (с. 91). Но такая установка могла быть понята нетерпеливой общественностью как пассивная защитная реакция на правительственную репрессивность.

По мнению В. В. Шелохаева, серьезной проблемой для русского либерализма западнического (кадетского) типа была недостаточная зрелость средних городских слоев — тех самых, что составляли на Западе социокультурную основу парламентаризма и конституционализма. Нервозность этих слоев оборачивалась тем, что они с легкостью меняли политическую ориентацию, покидая ряды то одной, то другой партии. Изнутри кадетская партия была «рыхлой», способной по-настоящему активизироваться лишь в ходе избирательных кампаний. В 1905–1907 гг. учтенная численность почти 570 кадетских организаций составляла 46 тыс. человек. При этом кадеты оставались городской партией: зафиксировано всего 74 сельские организации, причем преимущественно в земских губерниях (с. 113). В условиях особой остроты аграрного вопроса ситуация выглядела многозначительно. И даже на пике своего влияния в 1917 г. численность кадетов не превышала 100 тыс. человек (с. 543), на порядок уступая социалистам.

Автор уделил значительное внимание социальному составу кадетской партии (с. 119–125), она была самой «дворянской»: выходцы из этого сословия составляли 80% (у наиболее «демократичных» социал-демократов их было «всего» 24%). Временно поддержала кадетскую аграрную программу лишь незначительная часть зажиточных крестьян и казаков. В общем, складывается парадоксальная картина: активно строить демократию в России взялось барское «скудеющее» сословие.

Лидеры кадетов психологически склонялись к *диалогу* с «застойным» самодержавием, а не к общественному лидерству в связи с «непредсказуемыми» поворотами истории. Именно поэтому они постоянно оказывались «позади событий», хотя довольно точно угадывали перспективы их развития. Так, В. А. Маклаков

³ Белый А. Начало века. М., 1990. С. 8.

с думской трибуны заявлял: «Новая война — это новая революция», причем с ним были солидарны и другие члены ЦК. Напротив, П. Б. Струве отказывался в это верить, а П. Н. Милюков пытался попросту заглушить подобные разговоры (с. 421–422). Возникает вопрос: было ли это попыткой «спрятать голову в песок», или как пишет автор, проявлением «иллюзорности» милюковских прогнозов? Как бы то ни было, вряд ли с такими неуверенными представлениями о происходящем можно было выстроить перспективную стратегическую линию. Последующий ход событий это подтвердил.

Стоит обратить особое внимание на то, как оценивается значение знаменитой думской речи Н. Н. Милюкова 1 ноября 1916 г., в которой прозвучал риторический вопрос о действиях существующей власти: «Что это, глупость или измена?» По мнению Шелухаева, несмотря на огромный общественный резонанс, было бы явным преувеличением считать ее «штормовым сигналом» к революции. Но стоит ли, задается вопросом автор, отводить ей роль ««громоотвода» от революции», которой всегда не хотел Милюков (с. 496)? Представляется, что, отгораживаясь от реальных общественных настроений собственными доктринами и догмами, российские политики постоянно действовали не впопад. В особой степени это относится к лидеру кадетов.

Дело в том, что претензии либеральной оппозиции постоянно расходились с ее объективными возможностями. В связи с этим не могли не раздражать претензии кадетов на выражение общественного мнения в целом. Особенно возмущало это людей правых взглядов. «Вот он, кадетский деспотизм: не смеешь ничего предпринять индивидуально без благословения кадетского коллектива, — так написал 22 января 1917 г. в своем дневнике М. Богословский. — Вот она, партия народной *свободы!*»⁴ Но накануне 1917 г. конструктивная работа в Думе сделалась невозможной, а на свержение самодержавия кадеты не могли решиться. Прогрессивный блок, в котором ведущую роль играли кадеты, фактически оказался не у дел. Ситуацию определяли слухи о «предательстве» во власти и «заговорах» против нее⁵.

Примечательно, что лидеры кадетов признавали, что события Февральской революции застали их врасплох (с. 499). Им, как и многим современникам, было очевидно, что монархия совершила самоубийство (с. 509). Об этом стоило бы вспомнить нынешним конспирологам, фантазирующим на предмет всевозможных заговорщиков⁶. То, что революции не делаются по заказу, не раз подчеркивал и В. И. Ленин.

По-своему подтвердили это события апреля 1917 г., к развязыванию которых невольно приложил руку лидер кадетов, объяснивший вслед за тем свой

⁴ Богословский М. М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея. М., 2011. С. 295.

⁵ См.: Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию. М., 2015. С. 390–396, 433–434, 449.

⁶ См.: Никонов В. А. Крушение России. 1917. М., 2011. С. 474–550.

провал тем, что «созидательная сила революции не поспевает за разрушительной» (с. 534). Трудно вообразить более беспомощное заявление со стороны политика, вроде бы уверенного в своем умении лавировать между крайностями. А по существу, к этому времени стоило бы забыть о пресловутых проливах, и задуматься над последствиями прогрессирующей недееспособности русской армии. «Упрямее Милюкова только кадетская партия, которая продолжает, несмотря ни на что, считать его своим лидером», — иронизировал над этим известный сатирик. Однако вряд ли он был прав, напоминая о «массе поражений, которых стоил ей этот полководец»⁷. Российская история постоянно убеждает в том, что по-настоящему подталкивают революцию не всевозможные конспираторы и инсургенты, а публичные люди, лишённые элементарного политического чутья по причине крайнего догматизма.

Между прочим, некоторые кадеты старшего поколения были не меньшими доктринерами, чем Милюков. Так, один из основателей партии, Е. И. Кедрин в 1906 г. встречал резкий отпор в рабочей аудитории (с. 160). В годы войны, будучи уполномоченным Союза городов на фронте, он заслужил такую характеристику: «Подлинной жизни не знал, занимался политическими выкладками и “анализом создавшегося положения” и, в общем, торчал... среди быстро разлагавшихся армейцев, как белая ворона». Показательно, что его речи «пестрели цитатами и именами». После Февральской революции он был некоторое время комиссаром Временного правительства на Западном фронте, и знавшие его люди считали, что ему повезло: солдаты, наслушавшиеся его «беззубых и тошнотворных речей», не убили его⁸. Между тем Кедрин состоял членом кадетской агитационной комиссии, призванной вести пропаганду среди крестьян. Сомнительно, чтобы действия этой комиссии имели успех, хотя в ее составе имелся и такой «левый» кадет, как кн. Д. И. Шаховской (с. 544–545).

В целом на протяжении 1917 г. кадетская партия проделала ту же эволюцию, что и средний обыватель: от веры в демократию до требований «сильной власти». В. В. Шелохаев справедливо отмечает, что кадеты не смогли убедить лидеров Советов в необходимости согласованных действий, им не удалось уговорить лидеров национальных партий повременить на время войны с постановкой национального вопроса, не говоря уже о неспособности к решению всех объективно назревших социальных проблем (с. 505). Но возникает вопрос: мог ли кто-либо тогда «уговорить» народную стихию? И не вышли ли социальные процессы за все мыслимые политические границы?

В контексте нарастания социального хаоса особый интерес вызывает осознание кадетами необходимости «хирургического вмешательства». Способны ли были они отстаивать свои идеалы «непопулярным» путем? Автор показывает, что, дойдя до осознания необходимости военной диктатуры, кадеты не могли решить, на кого опереться: то ли на Л. Г. Корнилова, то ли на М. В. Алексева

⁷ Доросевич В. М. При особом мнении. Кишинев, 1917. С. 70.

⁸ Паустовский К. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1957. Т. 3. С. 469, 470.

(с. 604–609). Возникает вопрос: способны ли были они вообще к оперативному принятию «спасительных» решений в критических ситуациях?

В обществе опасности, связанные с кадетскими «согласованиями», ощущались весьма болезненно. «Правительство формируется, — иронизировал в дневнике историк М. Богословский 27 сентября 1917 г. — Судьба России, как оказывается, зависит от того, как поступит Кишкин, даст ли он согласие вступить в министерство на пост министра призрения... А что такое Кишкин, если не самый посредственный из посредственных кадетов, если не попросту глупый человек?»⁹ Но в дееспособность «профессорской» партии не верили в 1917 г. сами профессора. Доктринерство одних кадетских лидеров в сочетании с нерешительностью других разочаровывало всю потенциальную массу сторонников либерализма в России.

Перманентные промахи кадетов смотрятся неизбежной частью неудачливого российского реформаторства. Очевидно, что его «генетический изъян» таился в несовпадении политической культуры элит и народа¹⁰. Получается, что либерализм в России возможен только как кратковременная мода, связанная с ослаблением российской государственности и невыносимостью существования независимо мыслящих людей в условиях окостеневшего авторитаризма¹¹. Понятно, что при этом либералы непременно проиграют приверженцам тотального отрицания прежней государственности¹².

Сегодня многие словно забыли, что ключевым словом для понимания всеобщей истории либерализма всё же остается свобода, а потому всякие неудачи в ее реализации связаны с неготовностью к ней широких масс. И если вместо перманентного овладения всё новыми и новыми пространствами свободы мы имеем «восстание масс», то последующее «бегство от свободы» оказывается неизбежным. Неудачи русского либерализма связаны с тем, что политическая культура народа, воспитанного авторитарно-патерналистской системой, могла продуцировать только «русский бунт», блокирующий всякую планомерную демократизацию общества. Создается впечатление, что автор данной монографии имплицитно настроен именно на такой вывод.

Несмотря на то что авторский замысел концентрируется на анализе деятельности кадетских верхов, из содержания книги видно, насколько велика была отчужденность либералов *in corpore* от основной массы населения. Известно, что политики западного типа и народ пребывали в разных культурных измерениях. Ясно, что в таких условиях, не говоря уже о сословной разобщенности,

⁹ Богословский М. М. Дневники. С. 427.

¹⁰ См.: Леонтьева Т. Г. Российское реформаторство: генетический изъян? // Россия и современный мир. 2004. № 4 (45).

¹¹ См.: Булдаков В. П. Уходящая натура? Истоки и смысл русского либерализма // Истоки и его время. К 70-летию профессора В. В. Шелохаева. М., 2011.

¹² См.: Булдаков В. П. Большевизм в интерьере российской многопартийности // Призвание историка: Проблемы духовной и политической истории России: Сборник статей к 60-летию профессора В. В. Шелохаева. М., 2001.

нет смысла говорить о существовании в дореволюционной России даже подобия «гражданского общества»¹³. Между тем только в условиях укорененности гражданского правосознания либералы в России могли надеяться на успех.

Одно из главнейших политических грехопадений (или нелепостей!) Милокова, оттолкнувшего от кадетов значительную часть белогвардейцев, связано с «неожиданно» провозглашенной весной 1918 г. в Киеве «германской ориентацией». Оказавшись в Киеве, Милоков вступил в контакт с немецким командованием и дипломатическими представителями, рассчитывая, что Германия обеспечит переброску частей Добровольческой армии к Москве для скорейшего свержения большевистского правительства. Так или иначе, Милоков решил, что существует перспектива пересмотра Брестского мира на *его* условиях. Разумеется, немцам это было ни к чему, командование добровольцев по-прежнему рассчитывало на союзников, да и кадетское большинство довольно решительно восстало против своего формального руководителя (с. 619–635). В общем, киевский кульбит Милокова, объявленный кадетами его «личной инициативой», колоссально уронил репутацию кадетов и существенно облегчил большевикам задачу борьбы с ними.

По мнению Шелухаева, в годы Гражданской войны кадеты играли лидирующую роль в надпартийных общественно-политических объединениях, «сплачивая вокруг себя широкие круги антибольшевистских сил» (с. 640). Однако этот тезис звучит сомнительно на фоне идейного развала единого руководящего центра кадетов. В этот период активные антибольшевистские силы могли концентрироваться либо вокруг лидеров военной контрреволюции, либо под влиянием эсеровской партии. Так, в сущности, и было.

Автор считает, что в эмиграции кадеты «проделали огромную интеллектуальную работу» (с. 758). Но возникает вопрос: смогли ли предложить что-либо качественно новое для переустройства России сравнительно с прежними установками? В сущности, Шелухаев так отвечает на этот вопрос: «Начав свою идейно-теоретическую и политическую деятельность с большим подъемом и верой в непременный и скорый успех в России в самом начале XX в., новое поколение российских либералов, оказавшись в эмигрантской среде, не выдержало испытания и, разочарованное, ушло в историческое небытие» (с. 843). В общем, «вошедшие в плоть и кровь привычки кадетам преодолеть так и не удалось» (с. 853).

Стоило в связи с этим вспомнить и об одном «историографическом» грехопадении Милокова, весьма неожиданно для историка-позитивиста связавшего революцию с деятельностью масонов. Нельзя забывать, что во времена «застоя» за это «открытие» ухватились некоторые советские авторы¹⁴ — то ли

¹³ Как ни странно, доводы о существовании в сословной России «гражданского общества» некоторые авторы аргументируют наличием множества «некоммерческих организаций». См.: Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. М., 2011. С. 9.

¹⁴ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 1974. С. 4–5.

исчерпав возможности «марксистской» аргументации относительно причин революции, то ли выполнявшие определенный политический заказ. Помнить о таких зигзагах исторического воображения принципиально важно, поскольку, как только «объективные» данные о предпосылках революции начинают казаться недостаточными или неубедительными, тут же оживляются всевозможные конспирологи — таково неизбежное порождение наших нынешних историографических слабостей. Последние, в свою очередь, связаны с крайней имперской этатизированностью представлений о прошлом — естественный результат отсутствия гражданского общества¹⁵. Исследование В. В. Шелохаева убеждает, что либеральная политическая и историографическая мысль так и не смогла выбраться из этатистской «западни» русской истории.

При всей концептуальной продуманности исследования некоторые выводы автора вызывают сомнения. К сожалению, довольно поверхностно показаны взгляды кадетских верхов на церковный вопрос в России. Понятно, что они стояли за отмену всяких вероисповедных ограничений и свободу совести, признавали приоритетное положение среди всех конфессий Русской православной церкви, которая должна была наряду с ними пользоваться материальной поддержкой со стороны государства (с. 89–90, 520–521, 580–581). Но насколько единодушны они были в этом вопросе? Какое место они отводили приходской жизни в деле консолидации общества? Показательно, что серьезной критике поведение правительства (за которое, безусловно, несет ответственность и кадетская партия) и церковных верхов подверг в августе 1917 г. на заседании ЦК кадетской партии бывший обер-прокурор Св. Синода А. В. Карташев. Он, в частности, указал на недовольство мирян пассивностью епископов на Поместном соборе, назвал «государственной достоевщиной» выступления делегатов Государственного совещания, охарактеризовал поведение правительства, проявившего «абсолютную неспособность к действиям, вытекающей из какой-то анархической теории власти» «государственной гамлетовщиной». По его мнению, ни власть, ни кадеты «не могли угнаться за катастрофическим ходом событий». Автор отметил этот момент (с. 582–583), но всё же остается неясным: осознавали ли кадеты в полной мере возможности церкви в консолидации общества, в какой степени учитывали они особенности религиозного (и не только!) сознания основной массы населения.

Нельзя забывать, что летом 1917 г. за кадетами пытались «угнаться» представители церковных кругов. Отмечалось в частности, что «в июле 1917 г. программа партии по церковному вопросу была... дополнена положениями, вполне согласованными с постановлениями Всероссийского съезда духовенства и мирян в Москве в июне сего года». Утверждалось, что вместо общедемократического требования отделения церкви от государства кадеты отстаивали право

¹⁵ См.: *Buldakov V. P. The Imperial Mentality and Psychology in the USSR and its Consequences // Ethnic and National Issues in Russian and East European History / Ed. J. Morison. Basingstoke, 2000. P. 230–259.*

«свободного самоопределения» РПЦ, а православная религия, по их убеждениям, должна была «пользоваться первенством почета во всех актах государственной жизни», причем государство оказывает ей «покровительство в законе и материальную поддержку». В общем, представители православной иерархии в связи с выборами в Учредительное собрание склонялись к тому, чтобы считать кадетов «партией церкви»¹⁶. Неважно, насколько это соответствовало реалиям; важно было бы показать ответную реакцию (если она последовала) со стороны кадетов.

Несомненно, реализации кадетских планов в 1917 г. «мешала» непривычная (однако вполне естественная для того времени) конфигурация власти. Однако вряд ли достаточным будет такое ее описание: «Двоевластие в центре сопровождалось многовластием в регионах» (с. 597). Подобная характеристика власти существовала преимущественно в умах и речах политических доктринеров — от тех же кадетов до большевиков, — выступая аргументом в борьбе за собственное единовластие. Петроградский Совет не претендовал на власть: знаменитый Приказ № 1, реально парализовавший политическое влияние правительства на армию, был спонтанным актом, вырванным у умеренных социалистов возбужденными солдатами¹⁷. К тому же представление о власти в низах оставалось моноцентричным — иного не допускало тогдашнее поставлоритарное политическое сознание. Массы упорно добивались «своей» власти.

В некоторых случаях в тексте используются газетные клише. Довольно странно звучит такая формулировка, как «большевистский путч» (с. 574–575). В советское время писали об организованной большевиками в начале июля 1917 г. «мирной демонстрации рабочих и солдат, расстрелянной Временным правительством». В постсоветский период обнаружилась другая крайность, которую и воспроизвел автор. Между тем основные события революции протекали вовсе не по сценарию той или иной партии. Вопреки представлениям о давно планировавшемся заговоре, июльский политический кризис застал лидеров большевиков врасплох¹⁸. По мнению выдающегося философа Ф. А. Степуна, ставшего очевидцем событий, происходящее «было скорее какою-то бунтарской маятой, чем революционным действием»¹⁹. Трудно сказать точнее, однако В. В. Шелохаев предпочитает следовать в формулировках за кадетами, негодовавшими по поводу «преступного бунта» (с. 575). В другом случае он возрождает большевистский стереотип, утверждая, что Украинская Центральная рада уже в июне 1917 г. требовала предоставления Украине независимости

¹⁶ См.: Уфимские епархиальные ведомости. 1917. № 15–16. 15 августа. Отдел неофициальный. С. 445; Уфимские епархиальные ведомости. 1917. № 15–16. 15 августа. Отдел неофициальный. С. 444–445.

¹⁷ См.: Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2014. С. 766–772.

¹⁸ Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию. С. 573.

¹⁹ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. СПб., 1994. С. 389.

(с. 572). На деле ситуация была много сложнее — украинских лидеров подтолкнул к такому решению большевистский переворот²⁰.

Трудно понять, то ли кадеты в 1917 г. были уверены, что «значительная часть армейского офицерства была настроена монархически», то ли это точка зрения автора (с. 607), но в любом случае это не соответствует действительности. Основная масса офицерства была аполитична, монархические взгляды стали возрождаться среди офицеров лишь к концу Гражданской войны.

Как бы то ни было, рецензируемая монография — фундаментальное исследование, внушительное по содержанию, подводящее итог целому этапу изучения русского либерализма. Несомненно, труд профессора В. В. Шелохаева существенно повлияет на качественное обновление последующего исследовательского процесса.

References

- Šelohaev V. V.* Agrarnaâ programma kadetov v Pervoj russkoj revolûcii // *Istoričeskie zapiski*. Т. 86. М., 1970.
- Šelohaev V. V.* Ideologiâ i političeskaâ organizaciâ rossijskoj liberal'noj buržuazii. 1907–1914 gg. М., 1991.
- Šelohaev V. V.* Kadety — glavnaâ partiâ liberal'noj buržuazii v bor'be s revolûciej 1905–1907 gg. М., 1983.
- Šelohaev V. V.* Kadety v gornile revolûcii 1917 g. // *Peterburgskaâ istoričeskaâ škola: Al'manah. Vtoroj god vypuska. Pamâti V. I. Starceva*. SPb., 2002.
- Šelohaev V. V.* Kadety i revolûciâ v Rossii // *Političeskie partii v rossijskih revolûciâh v načale XX veka*. М., 2005.
- Šelohaev V. V.* Liberal'naâ model' pereustrojstva Rossii. М., 1996.
- Šelohaev V. V.* Proval deâtel'nosti kadetov v massah (1906–1907 gg.) // *Istoričeskie zapiski*. Т. 95. М., 1975.
- Šelohaev V. V.* Razrabotka kadetami nacional'nogo voprosa v gody Pervoj mirovoj vojny // *Pervaâ mirovaâ vojna. Prolog XX veka*. М., 1998.

Список литературы

- Шелохаев В. В.* Аграрная программа кадетов в Первой русской революции // *Исторические записки*. Т. 86. М., 1970.
- Шелохаев В. В.* Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991.
- Шелохаев В. В.* Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983.
- Шелохаев В. В.* Кадеты в горниле революции 1917 г. // *Петербургская историческая школа: Альманах. Второй год выпуска. Памяти В. И. Старцева*. СПб., 2002.
- Шелохаев В. В.* Кадеты и революция в России // *Политические партии в российских революциях в начале XX века*. М., 2005.
- Шелохаев В. В.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996.
- Шелохаев В. В.* Провал деятельности кадетов в массах (1906–1907 гг.) // *Исторические записки*. Т. 95. М., 1975.
- Шелохаев В. В.* Разработка кадетами национального вопроса в годы Первой мировой войны // *Первая мировая война. Пролог XX века*. М., 1998.

²⁰ См.: *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 290–294, 503, 575.